Δ 492
33

Δ 492/33
1482-7
45-2-39
1
Б 885ви

ВѢСТИ ИЗЪ АРМІИ.

I.

О ПОСТЕПЕННОМЪ ОБРАЗОВАНІИ НАШЕЙ РЕГУЛЯРНОЙ КАВАЛЕРІИ, О НЕДОСТАТКАХЪ И ОШИБКАХЪ, ПРЕПЯТСТВОВАВШИХЪ ЕЯ УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЮ.

II.

ОТВѢТЪ НА МЫСЛИ О КАВАЛЕРІИ НАЧАЛЬНИКА КАВАЛЕРІЙСКОЙ ДИВИЗІИ, ПОМѢЩЕННОЙ ВЪ № 110 «РУССКАГО ИНВАЛИДА».

Соч. Генералъ-Лейтенанта Броневскаго.

БИБЛ. С.С.С.Р. ВОЕН.СЕК.
БИБЛІОТЕКА ГЕНЕРАЛЬНАГО И ГЛАВНАГО ШТАБА 1871 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ВОЕННОЙ ТИПОГРАФІИ.
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, 29-го Сентября 1858 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

2007059496

БИБЛ. С.С. ИМЕНИ В.И. ЛЕНИНА ВОЕН. СЕКТ.

В-39-29467

(№№ 78 и 152-го «Русскаго Инвалида» 1858 года.)

75-2-33.

ВЪ РЕДАКЦІЮ РУССКАГО ИНВАЛИДА.

Утѣшительно русскому сердцу видѣть, съ какою любовію къ истинѣ, въ наше время, люди благомыслящіе стремятся къ обнаруженію тѣхъ язвъ общества, отъ которыхъ страдало наше отечество.

Сочувствіе къ этимъ полезнымъ обличеніямъ благотворно выразилось на обществѣ. Желаніе высказывать правду сдѣлалось какою-то житейскою потребностію; это направленіе замѣчательно сильно высказалось въ нашихъ войскахъ: во многихъ нумерахъ «Русскаго Инвалида» и «Артиллерійскаго Журнала» помѣщены были основательныя замѣчанія о недостаткахъ нашего военнаго образованія и устройства.

Меня особенно занимали замѣчанія и мнѣнія о нашей кавалеріи. Не отвергая благонамѣреннаго направленія этихъ отдѣльныхъ мнѣній, откровенно долженъ сознаться, что въ нихъ есть увлеченія новизны, всегда такъ заманчивой для человѣка. Чтобы предотвратить это зло, я имѣю желаніе пояснить, какъ постепенно образовывалась наша регулярная кавалерія, и указать на тѣ недостатки и ошибки, которые препятствовали ея усовершенствованію.

Съ этою цѣлію составленныя мною записки о нашей кавалеріи, при семъ имѣю честь препроводить въ редакцію «Русскаго Инвалида» съ покорнѣйшею просьбою о помѣщеніи ихъ въ листахъ «Инвалида»

7-го Апрѣля 1858 г.

I.

Кавалерія до 1816 года.

Регулярная кавалерія въ Россіи явилась въ царствованіе Петра Великаго и состояла только изъ драгунъ, сформированныхъ по образцу шведскихъ. Въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны образованы три кирасирскихъ полка. Въ царствованіе Императрицы Елисаветы Петровны, вмѣстѣ съ началомъ заселенія Новороссійскаго Края, переселенцы изъ Венгріи на тогдашней нашей грвницѣ образовали гусарскіе полки. Въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й, изъ бывшихъ украинскихъ казаковъ, также сформировали гусаръ. Конные гренадеры, легкоконные пикинеры и два конно-егерскихъ полка (Переяславскій и Елисаветградскій), сформированные Княземъ Потемкинымъ, недолго существовали. Уланы (четыре полка), по образцу польской народной кавалеріи, сформированы въ послѣдніе годы царствованія Императора Павла I-го. Въ царствованіе Императора Александра I-го, въ 1812 году, восемь драгунскихъ полковъ переименованы были въ конно-егерскіе, которымъ впослѣдствіе данъ былъ уставъ по образцу французскихъ конныхъ егерей. Конные егеря существовали до 1833 г. и были расформированы, а Лейбъ-Гвардіи Конно-Егерскій Полкъ, сформированный въ 1814 году, переименованъ въ Лейбъ-Гвардіи Драгунскій.

Которому изъ этихъ родовъ кавалеріи, бывшихъ и нынѣ существующихъ, дать предпочтеніе? *Кирасиры*, представители средневѣковаго рыцарства, при строгомъ сохраненіи порядка и устройства въ рядахъ своихъ, безъ сомнѣнія, принесутъ пользу, когда будутъ употреблены въ тѣ моменты боя, которые уловляются только военными геніями. Но эти исключительные моменты всегда рѣдки и иногда продолжительная кампанія кончится, не представивъ случая къ употребленію кирасировъ, между тѣмъ какъ войско это стоитъ правительству гораздо дороже другихъ родовъ кавалеріи. По этимъ причинамъ всѣ сильныя европейскія государства кирасировъ имѣютъ гораздо менѣе, нежели легкоконныхъ войскъ.

Драгуны, послѣ изобрѣтенія пороха, были необходимымъ дополненіемъ состава новѣйшихъ арміи. Не входя въ подробности измѣненій въ уставѣ драгуновъ, я остановлюсь на настоящемъ устройствѣ ихъ въ нашей арміи. Они вооружены шашками и ружьями со штыками и предназначаются для службы верхомъ и пѣшкомъ, но преимущественно

верхомъ; въ пѣшемъ же строю дѣйствуютъ только въ необходимыхъ случаяхъ. Драгуны новаго образованія еще мало употреблялись въ военное время; но тѣ немногіе случаи, гдѣ они введены были въ дѣло, показали, что этого рода кавалерія можетъ быть очень полезна.

Уланы — подражаніе польской народной кавалеріи.

Гусары — подражаніе венгерской народной кавалеріи.

Назвавъ эти два рода кавалеріи, невольно представляется старинный споръ: которому изъ холодныхъ оружій, пикѣ или саблѣ, дать преимущество? Теорія фехтовальнаго искусства даетъ преимущество саблѣ, потому что она удобно парируетъ удары, наносимые пикою, тогда какъ пика имѣетъ только одно наступательное достоинство.

Въ настоящее время передняя шеренга гусаръ получила пики, и такимъ образомъ гусары и уланы разнятся между собою только мундирами.

Черкесъ, линѣйный казакъ, венгерскій гусаръ не промѣняютъ своей сабли на пику. Донской казакъ, уланъ, пику предпочитаютъ всякому другому оружію. Точно также степной Мексиканецъ не разстается съ своимъ арканомъ, которымъ онъ дѣйствуетъ съ увѣренностію и успѣхомъ противу непріятеля, человѣка и лютаго тигра.

Изъ всего сказаннаго невольно придешь къ заключенію, что всякое холодное оружіе хорошо, когда оно въ рукахъ человѣка, умѣющаго имъ искусно владѣть, и тамъ, гдѣ употребленіе какого-либо оружія вошло въ житейскую потребность, какъ, напримѣръ, у Черкесовъ и линѣйныхъ казаковъ, гдѣ дѣти въ невинныхъ играхъ забавляются любимымъ своимъ оружіемъ, гдѣ отцы берутъ съ собою въ смѣлые наѣзды дѣтей, едва достигшихъ 12-ти лѣтняго возраста, тамъ, безъ сомнѣнія, умѣнье владѣть избраннымъ оружіемъ превосходно.

Въ регулярныхъ войскахъ, составляемыхъ изъ людей, по большей части, не имѣвшихъ никакого понятія о ружьѣ, пикѣ или саблѣ, образованіе ихъ сопряжено съ большимъ трудомъ, и наставники ихъ должны имѣть полныя и ясныя понятія какъ приготовить солдата къ бою съ непріятелемъ.

Гусары, отъ водворенія ихъ въ Россіи до окончанія войнъ съ Наполеономъ, безспорно были лучшею нашею кавалеріею. Служба гусаръ въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й была ознаменована блистательными подвигами. Хорватъ, Текелли (о которомъ великій Суворовъ говорилъ, что онъ съ своимъ штыкомъ, а Текелли съ своею саблею, вездѣ пройдутъ), Чорба, Шевичъ, Древичъ, вписали имена свои въ военную исторію Россіи. Въ концѣ царствованія Императрицы, гусары сдѣлались модою. Молодые люди съ хорошимъ образованіемъ, съ пламеннымъ желаніемъ отличій, подвиговъ, прельщенные притомъ изящными и красивыми мундирами, искали службы въ ихъ

рядахъ и не мало способствовали къ образованію этого прекраснаго войска, гдѣ дикая храбрость Серба, въ соединеніи съ русскою удалью, возвысили его на степень лучшей нашей кавалеріи. Гусары дали намъ примѣчательныхъ генераловъ. Одинъ Сумскій полкъ имѣлъ въ рядахъ своихъ слѣдующихъ офицеровъ: Графъ Петръ Петровичъ Паленъ, Графъ Крейцъ, Кульневъ, Графъ Ридигеръ и Потаповъ. Другіе (старые) гусарскіе полки не безъ основанія гордятся именами своихъ предводителей, какими были: Графъ Витгенштейнъ, Графъ Бенингсенъ, Князь Васильчиковъ, Графъ Ламбертъ, Дороховъ, Чаплицъ, Мелиссино, Ланской и Юрковскій.

Непрерывныя войны, съ послѣднихъ годовъ прошедшаго столѣтія до 1815 года, потребовали усиленія нашей арміи и необходимость заставляла войска, только-что сформированныя, употреблять противъ непріятеля. Вновь сформированныя, такимъ образомъ, войска, до конца 1815 года не имѣли времени заняться образованіемъ своимъ, и кавалерія наша не имѣла никакихъ теоретическихъ познаній въ выѣздкѣ лошадей и обученіи сѣдока въ верховой ѣздѣ. Правда, что тогда учреждаемы были депо, резервы, но и тамъ эти познанія не могли распространяться, потому что кадры были составлены изъ тѣхъ же дѣйствующихъ войскъ, гдѣ не было этихъ познаній. И такъ, рекругъ обучали одному: крѣпко держаться на лошади; отъ лошади же требовали только, чтобъ была смирна.

Сформированная такимъ образомъ кавалерія, не смотря на упомянутые недостатки, служила эти трудныя войны съ пользою, восполняя недостатокъ теоретическихъ познаній практическими свѣдѣніями, почерпнутыми изъ многолѣтняго опыта, и еще болѣе тѣмъ мужествомъ, которое отличаетъ войска, дѣйствующія постоянно, нѣсколько лѣтъ къ ряду, противу непріятеля.

Офицеры того времени, большею частію, были смѣлые всадники. Во время перехода частыя скачки, прыганье чрезъ плетни и канавы, были дѣломъ обыкновеннымъ. Но въ то время, когда офицеры такъ наѣздничали, солдатамъ строго запрещалось ѣздить другимъ аллюромъ, какъ шагомъ. Отъ этого, строевыя лошади обратились во вьючныхъ животныхъ, и, конечно, отъ такой кавалеріи нельзя было ожидать очень правильныхъ стройныхъ атакъ; не менѣе того атаки того времени были дружны и пылки, что должно отнести къ храбрости солдатъ и офицеровъ.

Вниманіе тогдашнихъ кавалерійскихъ офицеровъ преимущественно обращено было на сбереженіе лошадей. Въ сраженіи подъ Парижемъ, полкъ, въ которомъ я служилъ, имѣлъ во фронтѣ почти всѣхъ лошадей, числившихся по спискамъ. Изъ нихъ въ конномъ лазаретѣ было не болѣе трехъ; заводныхъ совсѣмъ не было.

II.

Преобразованіе нашей кавалеріи.

Въ исходѣ 1815 года, по окончаніи великой борьбы съ Наполеономъ, войска наши возвратились въ Россію и расположились на постоянныхъ квартирахъ. Въ продолженіе зимы отдыхали и солдаты, и лошади; послѣднія, отъ избытка корма, облились жиромъ. По тогдашнему обычаю въ кавалеріи, лошадямъ дѣлали проѣздку, которая состояла въ томъ, что на сѣдлахъ, а иногда на попонкахъ, проѣзжали лошадей шагомъ и рысью до испарины. Эти проѣздки дѣлались разъ или два въ недѣлю.

До 1812 года отъ армейскихъ полковъ посылались офицеры въ Петербургъ «для узнанія порядка службы» (офиціяльное выраженіе того времени). Командированные офицеры находились при гвардейскихъ кавалерійскихъ полкахъ и, пробывъ годъ или два (не помню), возвращались къ своимъ полкамъ, съ записками, а иногда безъ нихъ, для передачи о порядкѣ служебномъ и строевомъ въ гвардейской кавалеріи. Понятно, что отъ этого способа введенія усвоенныхъ тогда въ гвардейской кавалеріи служебныхъ правилъ было много недоразумѣній, а какъ въ послѣдовавшей за тѣмъ четырехлѣтней полевой службѣ не было времени припоминать инструкцій, привезенныхъ тѣми офицерами, то онѣ были совершенно забыты. Къ разрѣшенію этихъ недоразумѣній, въ началѣ 1816 года, явился первый печатный «Эскадронный Уставъ» (*). Полковаго устава еще не было; онъ вышелъ въ 1819 году. Къ этому же времени должно отнести изданіе «Школы Кавалерійскаго Солдата», маленькой брошюрки, въ которой указаны нѣкоторые пріемы на выѣзжанной лошади, объяснена посадка, не только что описаніемъ посадки, но даже изображена рисунками.

«Эскадронный Уставъ» и «Школа Кавалерійскаго Солдата» были первоначальными и единственными руководителями возраждавшейся тогда кавалеріи, и этимъ мы обязаны покойному Генералъ-Инспектору Кавалеріи, Его Императорскому Высочеству Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу.

Въ 1816 году, въ послѣдній разъ, допущены были эскадронные табуны: лошадямъ прекращалась дача сухаго фуража и онѣ паслись въ продолженіе шести недѣль на отведенныхъ пастбищахъ. Въ 1817 году, приказано было тѣ шесть недѣль кормить лошадей травою на конюш-

(*) Къ этому же времени должно отнести устройство Дворянскаго Эскадрона, основаніемъ которому были юнкера, собранные изъ кавалерійскихъ полковъ. Это единственное кавалерійское учрежденіе, послѣ нѣсколькихъ выпусковъ въ офицеры, было закрыто. Спеціальныхъ кавалерійскихъ предметовъ, кромѣ верховой ѣзды, тамъ совсѣмъ не преподавалось.

нихъ. Лошади въ табунахъ, гуляя на привольныхъ пастбищахъ, до того дичали, что ихъ снова надобно было усмирять и объѣзжать.

Послѣ подножнаго корма, когда лошади взяты были на конюшни и приведены въ порядокъ, тогдашніе офицеры были въ большомъ затрудненіи, что дѣлать съ ними. Видѣли, что такъ называемыя «проѣздки» не помогаютъ въ ихъ выѣздкѣ. Знали они, и то по наслышкѣ, о манежахъ, объ особенномъ искусствѣ берейторовъ въ обученіи лошадей; слышали, но не знали какъ взяться за дѣло. Припомнили, однакоже, что въ одномъ конно-егерскомъ полку (Арзамасскомъ) есть берейторъ Бальбони (*); къ нему и обратились за наставленіями. Бальбони далъ для образца рабочую уздечку, бичъ и корду. Безъ промедленія принялись дѣлать эти манежныя принадлежности, и по постройкѣ ихъ, а также полеваго манежа, обнесеннаго камышемъ и устланнаго навозомъ, приступили къ новому для всѣхъ дѣлу: выѣздкѣ лошадей по правиламъ манежнаго искусства.

Трудъ былъ не легкій: многія лошади не хотѣли бѣжать на кордѣ, сопротивлялись, брыкали, не шли впередъ, не смотря на градъ ударовъ бичами; нѣкоторыя, закусивъ удила, пробивали головами камышевыя стѣны манежа. Въ продолженіе зимы, однакожь, большая часть лошадей были усмирены и повиновались ѣздокамъ на шагу и рыси. Болѣе отъ нихъ не требовали, потому что не умѣли заставить что-либо другое дѣлать.

Полкъ, въ которомъ я служилъ, весною (1817 г.) былъ переведенъ изъ Херсонской Губерніи въ Тамбовскую. Первою заботою эскадронныхъ командировъ была постройка манежей, гдѣ съ новымъ усердіемъ принялись за выѣздку, повторяю, безъ всякаго знанія выѣздки лошади. Въ это время при корпусной квартирѣ сформированъ былъ Учебный Эскадронъ, гдѣ, подъ руководствомъ Бригаднаго Командира, Генералъ-Маіора Безобразова, стали образовываться и люди, и лошади. Николай Михайловичъ Безобразовъ былъ отличный ѣздокъ и охотникъ; ему мы, начинающіе только знакомиться съ манежнымъ дѣломъ, обязаны первоначальными нашими познаніями. Первая смѣна Учебнаго Эскадрона была распущена по полкамъ и мы съ удивленіемъ смотрѣли, какъ наши неучи люди и лошади исполняли манежныя обязанности. Боковыя приниманія (траверсъ) и галопъ, исполняемые съ соблюденіемъ дистанцій, были совершенною новостію для насъ и примѣромъ для подражанія. Съ новымъ усердіемъ принялись мы за работу. Иногда недоразумѣвая, какъ исполнить извѣстный манежный пріемъ, мы посылали за наставленіями въ Учебный Эскадронъ. Такимъ образомъ трудились мы 1817 и 1818 г., а въ 1819 году, эскадронъ, въ которомъ я тогда служилъ, могъ представиться на смотръ съ аллюрами

(*) Принадлежащій нѣкогда къ труппѣ знаменитаго Біарини.

уровненными и съ правильною посадкою. Бывшій тогда Начальникъ Главнаго Штаба 1-й Арміи, Генералъ-Лейтенантъ Баронъ Дибичъ, при осмотрѣ своемъ (зимою) полковъ нашей дивизіи, нашелъ, что это лучшій эскадронъ во всей арміи: такъ мало еще было развито образованіе нашей кавалеріи!

За учрежденіемъ Учебнаго Эскадрона, образовалась при 2-й Драгунской Дивизіи особая школа для юнкеровъ и нижнихъ чиновъ. Юнкерамъ, сверхъ строевыхъ и чисто-кавалерійскихъ познаній, преподавались нѣкоторыя науки. Школа эта дала образованныхъ офицеровъ и отличныхъ ѣздоковъ изъ нижнихъ чиновъ; къ сожалѣнію, она была закрыта, когда Начальникъ дивизіи, Генералъ-Маіоръ Ридигеръ (впослѣдствіе графъ и генералъ отъ кавалеріи) получилъ новое назначеніе; у него дѣятельными помощниками въ образованіи юнкеровъ и нижнихъ чиновъ были отличные кавалеристы, адъютанты его: Европеусъ, впослѣдствіе Командиръ Берейторской Школы, и Энгельгардтъ, нынѣ генералъ-лейтенантъ.

Мой эскадронный командиръ, Маіоръ Сераковскій, былъ также отличный кавалеристъ, не видавшій, однакожъ, до этого времени манежа. У него желаніе устроить свой эскадронъ, по возникшимъ новымъ идеямъ, перешло въ страсть. Онъ такъ усильно трудился надъ этимъ предметомъ, что многое, безъ руководителей, вѣрно угадалъ своимъ практическимъ умомъ.

Въ это же время при Конно-Егерской Дивизіи былъ Командиромъ Конно-Артиллерійской Роты Подполковникъ Бремзенъ; онъ самъ былъ образованный кавалеристъ и отличный ѣздокъ. Выѣздка лошадей у него была превосходная; вольтижированіе доведено было до совершенства. Аллюры были правильны, но намъ, тогдашнимъ педантамъ кавалерійскаго дѣла, казалось, что они слишкомъ просторны. У Бремзена въ ротѣ былъ широкій галопъ и полная рысь, а мы тогда убѣждены были, что самый короткій галопъ и рысь собраная составляютъ красоту и изящество въ выѣздкѣ. Это заблужденіе въ нашей кавалеріи продолжалось до перваго смотра Императора Николая, который указалъ намъ всю нелѣпость укороченныхъ аллюровъ кавалеріи, двигавшейся такъ медленно, что ее обошла бы и пѣхота.

Отъ этой неблагоразумной выѣздки лошадей, отъ которыхъ требовали усиленнаго сбора, строевыя лошади сильно страдали и большая часть ихъ такъ ослабѣли ногами, что преждевременно приходили въ негодность. Къ этому также немало способствовало содержаніе лошадей. Кормъ давали изобильный, для того, чтобы представить ихъ въ самомъ сытомъ видѣ, доходящемъ до безобразія: жолобъ на спинѣ и огромное брюхо было, по тогдашнимъ понятіямъ, совершенствомъ въ

содержаніи лошадей. При томъ ни одной лишней шерстинки, — все выстрижено и подобрано.

Ложныя понятія не ограничивались одними сказанными заблужденіями. Послѣ перехода, ученья или манежной ѣзды, лошадей на конюшняхъ держали не разсѣдланными, смотря по усталости лошади, иногда до двухъ часовъ. Представьте себѣ кавалериста, который, въ жаркій лѣтній день, на конѣ своемъ проѣхалъ 25 верстъ. Конь его тученъ, потому что мы любимъ жирныхъ лошадей, слѣдовательно, отъ продолжительнаго движенія въ жаръ, конь этотъ утомился; пыль облепила его, набилась ему въ уши, ноздри, ротъ. Это бѣдное, страждущее животное ставятъ въ конюшню съ тяжелымъ его сѣдломъ, мокрымъ и разгоряченнымъ потникомъ. Облегчаютъ, правда, этого коня тѣмъ, что снимаютъ мундштукъ, чемоданъ и саквы. Чрезъ нѣсколько времени снимаютъ сѣдло; но главная тягость, потникъ, остается для угнетенія коня, иногда въ продолженіе трехъ часовъ. Между тѣмъ и всадникъ не въ лучшемъ положеніи. Онъ, покуда не уберетъ своего коня, ходитъ запачканный, неумытый. Не лучше-ли бы было, еслибы, приведя коня своего на конюшню, кавалеристъ снялъ бы безъ промедленія сѣдло и вытеръ до суха свою лошадь, отъ ушей до копыта, простою соломенною щеткою (щетка эта дѣлается такъ: берется пучекъ соломы и по середины туго перевязывается ремнемъ, концы соломы обрѣзываются и щетка готова). Вытертая такимъ образомъ лошадь приходитъ въ нормальное положеніе, потому что застои крови, происходящіе отъ постояннаго давленія, въ продолженіе шести или семи часовъ времени, сѣдокомъ и сѣдломъ, чрезъ треніе уничтожаются. Для кавалеристовъ эмпириковъ, обязанностію считаю прибавить, что опыты эти я дѣлалъ и могу ихъ увѣрить, что дурныхъ послѣдствій не было.

Другой предразсудокъ прежняго времени, который теперь здравымъ смысломъ понемногу уничтожается, есть то, что переходы свои кавалерія иначе не дѣлала, какъ шагомъ (*). Не говоря уже о томъ, что нѣкоторая часть перехода, сдѣланная рысью и въ галопъ, сокращаетъ время, движеніемъ рысью и въ галопъ сохраняется подвижность лошади, чувства рта и шенкелей. Прибавлю, что та кавалерія, которая съ постоянныхъ своихъ квартиръ придетъ на мѣсто сраженія безъ потери въ лошадяхъ, сохранивъ ихъ не только здоровыми, но и способными къ быстрымъ движеніямъ, только та кавалерія, исполнитъ вполнѣ свою обязанность.

Само собою разумѣется, что изъ словъ «не обремѣнять лошадь из-

(*) Нѣкоторые кавалеристы и тогда понимали возможность движенія ускоренными аллюрами во время переходовъ, но это было исключеніемъ; высшіе же начальники не только что не требовали этого, но когда доходили до нихъ о томъ вѣсти, то рѣшительно запрещали.

лишнимъ кормомъ и пріучать ее, какъ на постоянныхъ квартирахъ, такъ и во время похода, «къ быстрымъ движеніямъ» не слѣдуетъ дѣлать вывода, что, въ первомъ случаѣ, надобно давать мало корма, а во второмъ обратить строевую лошадь въ почтовую клячу. Чтобы съ точностію рѣшить эти важные предметы нашей кавалеріи, нуженъ опытъ.

Говоря о предразсудкахъ прежней нашей кавалеріи, не могу умолчать о ложномъ пониманіи «наѣздничества», котораго такъ настойчиво желаютъ современные литераторы-кавалеристы. Наѣздничество всегда было и будетъ высшимъ образованіемъ кавалериста, и достигнуть до него возможно только тогда, когда истинное образованіе кавалерійское распространится въ нашей кавалеріи. Одного желанія сдѣлать наѣздниковъ изъ настоящихъ кавалеристовъ недостаточно; нужно имѣть средства къ этому образованію, нужно имѣть высшее кавалерійское образованіе противу того, какое у насъ теперь существуетъ. Посадивъ пахатнаго мужика, только что поступившаго въ солдаты, на молодую лошадь, хотя бы и на уздечкѣ, нельзя ожидать, чтобъ изъ него вышелъ наѣздникъ. Извѣстные наѣздники существуютъ преимущественно тамъ, гдѣ при воспитаніи юношества вошло въ употребленіе упражненіе оружіемъ на конѣ. Черкесы, Аравійцы, наши линѣйные и донскіе казаки, служатъ тому доказательствомъ. Въ регулярной кавалеріи этого достигнуть возможно, когда лошади въ кавалеріи будутъ сильны, быстры и хорошо выѣзжены, а солдаты будутъ искусно управлять лошадьми своими и притомъ умѣть владѣть оружіемъ; тогда, при сознаніи долга своего и одушевленіи, кавалеристы наши будутъ хорошіе наѣздники.

Изложивъ, какъ кавалерія наша самоучкою переобразовывалась, я постараюсь объяснить о постепенномъ вліяніи Высочайшихъ смотровъ и маневровъ на нашу кавалерію, ограничиваясь только тѣмъ кругомъ, въ которомъ заключалась моя служебная дѣятельность. Корпусъ, въ которомъ я служилъ (5-й Резервный Кавалерійскій), въ первый разъ собранъ былъ при г. Козловѣ, въ 1820 году. Церемоніяльный маршъ былъ приготовленъ хорошо, по тогдашнимъ понятіямъ, т. е. было равненіе во фронтѣ, въ колоннахъ ряды — въ затылокъ; аллюры уровнены, рысь собраная, а галопъ такой короткій, что въ церемоніяльномъ маршѣ, конная артиллерія, миновавъ начальника, всякій разъ врѣзывалась въ задній эскадронъ. Нижніе чины одѣты были щеголевато, въ англійское сукно, пожалованное тогда Государемъ арміи. Войска наши объ учебныхъ маневрахъ не имѣли никакого понятія. Составить маневры и разучить ихъ въ войскахъ поручено было Генеральнаго Штаба Полковнику Князю Горчакову (нынѣ главнокомандующему Дѣйствующею арміею). Не смотря на подробное описаніе маневра,

разосланное въ войска, репетиціи шли плохо. По полю маневровъ разставленны были жалонеры и въ подробнѣйшемъ описаніи показаны были движенія не только колоннъ полковыхъ или бригадныхъ, но даже дивизіоновъ. Чтобы учинить маневры, найдено было необходимымъ собирать начальниковъ частей, включая командировъ дивизіоновъ, и имъ-то словесно, со всею подробностію, князь Горчаковъ объяснялъ и общія, и частныя движенія. Мы удивлены были необыкновенною памятью и терпѣніемъ князя Горчакова.

Другой Высочайшій смотръ и маневры были въ 1823 году, при г. Орлѣ, куда были собраны: Гренадерскій Корпусъ, два егерскихъ полка, двѣ кавалерійскія дивизіи и 2-я конноегерская. На этомъ смотру безъ промаховъ не обошлось, но вообще онъ стройнѣе шелъ, какъ смотръ 1820 года.

Въ царствованіе Императора Александра I-го войска, въ которыхъ я служилъ, не участвовали болѣе на Высочайшихъ смотрахъ. Первый разъ послѣ этого 5-й Резервный Кавалерійскій Корпусъ, въ 1830 году, былъ собранъ при г. Козельцѣ, Черниговской губерніи; этотъ смотръ былъ началомъ реформы въ нашей кавалеріи. Императоръ Николай I-й приказалъ уничтожить короткіе аллюры, которые дошли до того, что добрая пѣхота могла обогнать галопирующую кавалерію, какъ выразился Государь. На этомъ же смотру, въ первый разъ, потребовалось спѣшиванье драгуновъ (*), и Государь изволилъ объяснять мысли свои объ употребленіи драгуновъ въ спѣшенномъ строю. Вниманіе Государя было обращено на обмундировку и пригонку аммуниціи, которыя были у насъ, правду сказать, очень небрежны. Офицерскою ѣздою и посадкою Государь былъ очень недоволенъ. Юнкеровъ, представленныхъ къ Нему на смотръ и аттестуемыхъ въ офицеры, приказалъ доучить. На этомъ же смотру введены были дивизіонныя колонны къ атакѣ. Спѣшиваньемъ драгуновъ, или, лучше сказать, строемъ спѣшенныхъ драгунъ, Государь былъ доволенъ, найдя ихъ пѣшее образованіе довольно хорошимъ. При этомъ Государь Императоръ, въ общихъ выраженіяхъ, изволилъ выяснить, какъ употреблять драгуновъ въ пѣшемъ строю. Драгуны въ продолженіе польской компаніи не разъ сражались спѣшенными. Этотъ новый родъ боя солдаты наши полюбили и смотрѣли на него какъ на развлеченье. Спѣшенные драгуны, не разъ доказали, что тамъ, гдѣ кирасиръ, уланъ или гусаръ прекращаетъ свои дѣйствія, драгунъ имѣетъ еще возможность дѣйствовать; это подтверждается занятіемъ Люблина, а доказательствомъ, что вся-

(*) Отъ драгуновъ не требовалось спѣшиванья и оно существовало у нихъ только по преданіямъ. Въ уставъ конныхъ егерей вошло спѣшиванье, но не было принятаго драгунами.

каго другаго рода кавалерія останавливается препятствіями, которыя не существовали бы для драгуновъ, служитъ дѣло подъ Нуромъ, въ 1831 году, гдѣ кирасирская и гусарская дивизіи, съ бригадою уланъ, были остановлены, на три часа времени, одною ротою пѣхоты и, потому поджидали прибытія нашей пѣхоты, непріятель отступилъ, почти безъ потери.

По окончаніи войны, первый смотръ былъ въ 1832 году. Вслѣдъ за нимъ полученъ былъ «Драгунскій Уставъ», выяснившій такъ много недоразумѣній въ этихъ войскахъ.

Послѣдующіе смотры въ 1834 году, при Орлѣ, въ 1835 году, въ Курскѣ, были постоянною школою для введенія въ кавалеріи быстрыхъ движеній и, въ то же время, отъ начальниковъ требовалась находчивость и распорядительность. Государь нерѣдко предлагалъ частнымъ начальникамъ тактическія задачи на полѣ маневровъ и былъ самъ свидѣтелемъ исполненія ихъ. Не безъ грѣховъ выполнялись разныя движенія; извиненіе наше было одно: новость. Намъ, руководствовавшимися однимъ только уставомъ, трудно было маневрировать передъ воображаемымъ непріятелемъ.

Въ 1837 году, былъ огромный сборъ кавалеріи при Вознесенскѣ: для 360 эскадроновъ одной кавалеріи (не считая резервной пѣхотной дивизіи), конечно, нигдѣ въ Европѣ нельзя найти болѣе удобнаго мѣста, какъ на нашей степи. Просторъ вездѣ. Полки на сборное мѣсто шли развернутымъ эскадроннымъ фронтомъ, и съ разомкнутыми рядами. На этомъ смотру было много иностранцевъ. Не знаю, какое они вынесли мнѣніе о нашей кавалеріи; но мнѣ высказывалъ откровенно свои мысли англійской службы генералъ-лейтенантъ Ашбуртонъ и говорилъ, между прочимъ, что лучшихъ лошадей ни одна европейская кавалерія не имѣетъ, не исключая и англійской линѣйной.

На этихъ смотрахъ и предварительно на домашнихъ дивизіонныхъ ученьяхъ замѣтно образовались частные начальники, которые, наконецъ, привыкли разрѣшать, безъ грубыхъ ошибокъ, затрудненія, прежде непреодолимыя, встрѣчаемыя ими на маневрахъ.

На домашнихъ ученьяхъ дивизій проходились учебнымъ маневромъ всѣ видоизмѣненія переходовъ изъ одного боеваго порядка въ другой на разнообразной мѣстности. Между прочимъ, вотъ одинъ изъ маневровъ, придуманныхъ начальникомъ нашей дивизіи: дивизіонъ пикинеровъ, разсыпанный во флапкерахъ, съ конно-артиллерійскою батареею, поворачивался назадъ, и ему приказано было скакать въ карьеръ на фронтъ двигавшагося впередъ галопомъ, развернутымъ фронтомъ, полка. Пикинеры и артиллерія проскакивали въ интервалы, а если не попадали въ нихъ, то были пропускаемы чрезъ вздваиваніе рядовъ; отъ этого строй нимало не разстроивался. Этотъ маневръ былъ бы

очень поучителенъ для той кавалеріи, которая не приняла атаки непріятельской кавалеріи, потому что казаки, бывшіе въ передней цѣпи, наскакали на нее и разстроили ея ряды.

Успѣхами драгуновъ Государь вполнѣ былъ доволенъ и называлъ ихъ своими «поѣшными». На этомъ смотру Государь въ первый разъ смотрѣлъ стрѣльбу въ цѣль и былъ ею очень доволенъ. Мишени были покрыты пулями, и дѣйствительно; тогда драгуны стрѣляли хорошо и это было не дѣломъ случая: они предъ вознесенскимъ смотромъ, въ продолженіе двухъ лѣтъ, упражнялись въ стрѣльбѣ въ цѣль, тѣми боевыми патронами, которые Государь пожаловалъ имъ, во время своего смотра въ Орлѣ. Этотъ Царскій подарокъ заключался въ тѣхъ патронахъ, которые были въ сумахъ, т. е. по 30 патроновъ на человѣка, а по баталіонному расчету драгунскаго полка, по три сумы на человѣка. Употребивъ эти патроны толково, драгуны выучились порядочно стрѣлять въ цѣль. Теперь, когда вводятся штуцера и дальнострѣльные прицѣльные выстрѣлы получили такое тактическое значеніе, должно ожидать, что драгунамъ нашимъ придумаютъ и дадутъ усовершенствованные штуцера, но легче пѣхотныхъ. Желательно, чтобы у драгуновъ было достаточно пороху. Какъ бы хорошо ни было оружіе, но если его употреблять не умѣютъ, то оно не принесетъ никакой пользы, а будетъ только безплоднымъ обремененіемъ солдату.

Императоръ Николай нерѣдко замѣчалъ, что офицеры дурно ѣздятъ верхомъ. Сдѣлано было все, чтобы добиться хорошихъ результатовъ. Офицеры начали ѣздить прилично. Но были-ли они довольно образованы какъ просвѣщенные кавалеристы? Объ этомъ я буду говорить въ слѣдующей статьѣ.

III.

Необходимость учрежденія кавалерійскихъ училищъ для офицеровъ и юнкеровъ.

Кавалерія наша находится въ переходномъ состояніи. Что было съ нею по окончаніи борьбы съ Наполеономъ I, то же совершается и теперь по окончаніи послѣдней войны. Преобразованія ея уже начались и независимо отъ тѣхъ измѣненій, которыя ввело Правительство; во вновь вышедшихъ сочиненіяхъ и періодическихъ военныхъ статьяхъ высказаны новые взгляды и указаны улучшенія для нашей кавалеріи.

Не входя въ подробности предлагаемыхъ нововведеній, изъ которыхъ иныя весьма основательны, другія же ведутъ къ новымъ заблужденіямъ (*), я обращаю вниманіе просвѣщенныхъ кавалеристовъ,

(*) Въ примѣчательныхъ статьяхъ своихъ «Армейскій Кавалеристъ» высказалъ много новаго и полезнаго; но я не могу съ нимъ согласиться въ его взглядѣ на нашу регулярную легкую кавалерію. Армейскому Кавалеристу желалось бы преобразовать нашу легкую кавалерію по образцу Нижегородскаго Драгун-

на недостатокъ спеціальнаго образованія нашихъ кавалерійскихъ офицеровъ.

Порядокъ, устройство и обученіе нижнихъ чиновъ принадлежатъ къ обязанностямъ офицеровъ, и чѣмъ лучше образованы офицеры, тѣмъ лучшаго устройства можно ожидать отъ частей, имъ ввѣренныхъ. Посмотримъ на образованіе офицеровъ нашей кавалеріи.

Въ настоящее время кавалерія наша комплектуется офицерами преимущественно изъ юнкеровъ, поступающихъ на службу съ поверх-

---

скаго Полка. Онъ говоритъ («Рус. Инв.» № 24, 1858 г.), что Уфимскій Регулярный Казачій полкъ, на смотру въ Чугуевѣ, въ 1845 году, удивлялъ всѣхъ стройностію и педантическою точностію своихъ движеній, не уступая ни въ чемъ прочимъ полкамъ регулярной кавалеріи. Другой примѣръ, знаменитый Нижегородскій Полкъ, который *не знаетъ мундштуковъ*.

Не говоря объ успѣхахъ на чугуевскомъ смотру, въ 1845 году, Уфимскаго Казачьяго полка, о Нижегородскомъ же полку обязанностію считаю увѣдомить г. Армейскаго Кавалериста, что въ полку этомъ мундштуки положены штатомъ, Высочайше утвержденнымъ. Хотя они не всегда употреблялись на службѣ, но въ послѣднюю кампанію на опытѣ убѣдились въ необходимости мундштука. Во время сраженія подъ Башъ-Кадыкъ-Ларомъ, правда, полкъ былъ на уздечкахъ, но послѣ сраженія послалъ за своими мундштуками; ихъ привезли на почтовыхъ и остальную часть кампаніи онъ съ ними не разставался. Оказалось, что во время атаки лошади носили храбрыхъ драгунъ, и уздечки не могли остановить ретивыхъ коней. Г. Армейскій Кавалеристъ, между прочими преимуществами уздечки, ставитъ ей въ заслугу сбереженіе лошади. Нижегородскій полкъ и въ этомъ случаѣ служитъ доказательствомъ противнаго. По окончаніи войны, на инспекторскомъ смотру, въ Нижегородскомъ полку оказалось до 600 лошадей, неспособныхъ къ службѣ, тогда какъ въ Тверскомъ полку, служившемъ на одномъ вмѣстѣ съ нимъ театрѣ войнѣ, нашлось только 150 негодныхъ лошадей, не смотря на то, что полкъ этотъ пришелъ изъ Курской губерніи въ новую для него страну, гдѣ продовольствіе было совсѣмъ другое, къ какому привыкли тѣ лошади. Свѣдѣніе о Нижегородскомъ и Тверскомъ полкахъ я получилъ отъ бывшаго командира этихъ полковъ, во время войны, Генералъ-Маіора Графа Ипрода, нынѣ командира Л.-Гв. Кираспрскаго Его Императорскаго Величества полка.

Да не подумаетъ г. Армейскій Кавалеристъ, что я защищаю теперешній мундштукъ нашей кавалеріи. Нѣтъ, его надобно облегчить, уменьшивъ его массивность, убавить ремней, пряжекъ, плетешковъ и проч. Словомъ, отъ тяжелаго нашего мундштука до краснваго и легкаго англійскаго, много есть видоизмѣненій, нужно сдѣлать хорошій выборъ; — но уздечку принять для кавалеріи было бы, по моему мнѣнію, непростительною ошибкою. Относительно же успѣшнѣйшаго сохраненія лошади на мундштукѣ или уздечкѣ, я полагаю, что на мундштукѣ лошадь скорѣе будетъ сбережена, какъ на уздечкѣ, потому что ѣздокъ во время движенія, поддерживая голову лошади мундштукомъ, не дозволитъ ей спускаться на передніе ноги. Впрочемъ, внимательный присмотръ за лошадью, какъ въ походѣ, такъ и на стоянкѣ, лучше мундштука и уздечки сохранитъ здоровье лошади.

ностнымъ общимъ образованіемъ и безъ всякихъ свѣдѣній въ военныхъ наукахъ, которыя отъ нихъ не требуются и при производствѣ въ офицеры. Всѣ свѣдѣнія юнкеровъ о кавалерійской службѣ заключаются въ верховой ѣздѣ; познанія эти имъ передаются офицерами, не получившими спеціяльно кавалерійскаго образованія. Конечно, между юнкерами, поступающими въ полки, бываютъ молодые люди съ хорошимъ общимъ образованіемъ, но между ними не найдется и одного, который бы имѣлъ первоначальныя познанія въ военныхъ наукахъ.

Другой источникъ комплектованія кавалеріи офицерами—кадеты. Но ихъ такъ мало достается на часть армейской кавалеріи, что они тамъ едва замѣтны. Окончательное образованіе, собственно кавалерійское, они получаютъ при Образцовомъ Кавалерійскомъ полку, гдѣ ихъ учатъ только верховой ѣздѣ. Неоспоримо, что большое число офицеровъ съ кадетскимъ образованіемъ принесло бы пользу кавалеріи, тѣмъ, что распространило бы въ ней общія военныя познанія.

Отсутствіе военныхъ познаній вообще между нашими кавалерійскими офицерами и поверхностное лишь знаніе кавалерійскаго дѣла указываютъ всю необходимость спеціяльнаго образованія нашихъ кавалерійскихъ офицеровъ. Весьма бы полезно было для образованія просвѣщенныхъ кавалеристовъ ввести преподованіе слѣдующихъ наукъ:

Науки.

1) Естественной исторіи лошади.

2) Анатомія лошади, только для познаній отдѣльныхъ частей лошадинаго тѣла.

3) Физіологія лошади.

4) Патологія. Здѣсь должно быть обращено вниманіе на объясненіе заразительныхъ болѣзней лошадей.

5) Тактика вообще и особенно тактика кавалеріи.

6) Малая война и кавалерійская форпостная служба. Теорія кавалерійскихъ уставовъ, общее истолкованіе объ основаніи и цѣли ихъ, съ объясненіемъ различія эволюцій кавалеріи отъ эволюцій пѣхоты и артиллеріи. Также о дѣйствіи кавалеріи съ конною артиллеріею, и, наконецъ, о совокупномъ дѣйствіи всѣхъ оружій.

7) Глазомѣрная съемка.

8) Общія понятія объ артиллеріи и фортификація.

Искусства.

1) Верховая ѣзда должна заключать въ себѣ, во-первыхъ, приготовленіе строевой лошади къ кавалерійскому строю и полевой ѣздѣ. Преподаваніе о сѣдлѣ, мунштукѣ и прочихъ принадлежностяхъ сѣдланія и выѣздки лошади должны составлять часть этого отдѣла.

2) Эспадронированіе и употребленіе пики.

3) Стрѣльба въ цѣль.

4) Плаваніе съ лошадью и безъ лошади.

5)Вольтижированіе, ограниченное только искусствомъ ловко вскочить и спрыгнуть съ лошади.

Вотъ предметы, изученіе которыхъ можетъ распространить между нашими кавалерійскими офицерами спеціяльныя кавалерійскія познанія и поставить нашу кавалерію на одну степень образованія съ артиллеріею и инженерами.

Когда въ кавалеріи не будутъ производить изъ юнкеровъ въ офицеры иначе, какъ по экзамену изъ указанныхъ выше предметовъ (разумѣется, по облегченнымъ программамъ), тогда только кавалерія будетъ имѣть образованныхъ офицеровъ.

Для этого новаго дѣла необходимо содѣйствіе ученыхъ обществъ. Военная Академія, составленіемъ спеціяльнаго кавалерійскаго курса, тѣхъ военныхъ наукъ, которыя показаны въ программѣ, оказала бы просвѣщенію нашей кавалеріи великую услугу. Какъ этотъ курсъ будетъ составляться исключительно для кавалеріи, то не надобно упустить изъ виду, что кавалерія, кромѣ своего значенія въ ряду съ другими оружіями, имѣетъ свое особенное, нравственное. Привожу нѣсколько примѣровъ подобнаго нравственнаго значенія кавалеріи, во время военныхъ дѣйствій.

При атакѣ Аркольскаго Моста, всѣ усилія лучшихъ солдатъ итальянской арміи генерала Бонапарте рушились предъ стойкою храбростію баталіона Кроатовъ. Генералъ Бонапарте, со знаменемъ въ рукѣ (кто изъ насъ не видалъ этой картины даже у станціонныхъ смотрителей) бросается впередъ. Все тщетно. Стойкіе Кроаты отбиваютъ всѣ атаки героевъ Италіи. Между тѣмъ какъ бились на мосту, капитанъ Геркюль (Hercule), начальникъ конвоя главнокомандующаго, съ 20-ю всадниками (guides), видно отъ нечего дѣлать, отъискалъ бродъ и перешелъ чрезъ рѣку. Внезапное появленіе его на флангѣ Кроатовъ заставило ихъ очистить деревню и тѣмъ вплести новый лавръ въ побѣдный вѣнецъ, предводителя итальянской арміи. Что же побудило храбрыхъ до того Кроатовъ такъ постыдно оставить такой важный постъ? Конечно, не трусость: они показали предъ этимъ противуположное свойство. Внезапность появленія отряда французскихъ кавалеристовъ такъ поразила ихъ воображеніе, что имъ представилось, что они находятся въ величайшей опасности, что они обойдены, отрѣзаны, и безотчетный страхъ увлекъ ихъ къ неблагоразумному отступленію.

При взятіи штурмовъ Базарджика, во время самаго приступа, турецкая кавалерія сдѣлала вылазку. Опрокинутая Стародубовскимъ и Лифляндскимъ драгунскими полками, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора Воинова, она была преслѣдуема на плечахъ. Крѣпостныя ворота

были отворены и наша кавалерія вслѣдъ за турецкою ворвалась въ крѣпость и съ нею вмѣстѣ пронеслась въ другія ворота. Безъ сомнѣнія, этотъ удалой подвигъ Воинова имѣлъ сильное вліяніе на турецкій гарнизонъ и немало облегчилъ успѣхъ нашей штурмующей пѣхоты.

Въ турецкую войну 1829 года, Александрійскіе гусары взяли редутъ, защищаемый пушками и турецкою пѣхотою.

Вотъ нѣсколько случаевъ, гдѣ внезапное смѣлое появленіе кавалеріи наводило страхъ на непріятеля. Старые служивые на опытѣ знаютъ, что появленіе кавалеріи на флангѣ разсыпной застрѣльщичьей цѣли почти всегда производитъ въ ней безпорядокъ, а иногда паническій страхъ. Бывали и такіе случаи, что, при атакѣ кавалеріею непріятельскаго каре, пѣхотинцы передней шеренги, при наскокѣ кавалеріи, спускали курки, держа ружья на изготовкѣ. Не все то на мѣстѣ сраженія такъ бываетъ, какъ на учебномъ полѣ. Штуцерникъ попадаетъ въ мишень безъ промаха за 1,000 шаговъ; такъ-ли онъ вѣрно попадетъ въ несущагося на него въ карьеръ кавалериста, вооруженнаго пикою или саблею? У самаго храбраго стрѣлка, конечно, въ эту минуту, пульсъ ускорится и, слѣдовательно, вѣрнаго выстрѣла отъ человѣка, находящагося не въ нормальномъ состояніи, ожидать нельзя. Подобные случаи моральнаго дѣйствія кавалеріи необходимо указать въ предполагаемомъ руководствѣ тактики кавалеріи.

Ученіе о познаніи лошади, болѣзняхъ лошади и проч., по упомянутой программѣ, можетъ быть составлено въ Медикохирургической Академіи. Впрочемъ, этотъ предметъ можетъ быть преподаваемъ и по книгѣ, изданной въ 1847 году, подъ названіемъ: «Руководство къ познанію лошади по наружному ея осмотру, составленное по лучшимъ источникамъ для артиллерійскихъ офицеровъ», а также по запискамъ по этому предмету въ Артиллерійской Михайловской Академіи.

Чтобы ознакомить нашихъ кавалеристовъ съ этою полезною для нихъ книгою, выписываю программу преподаванія гиппологіи и гиппіатрики въ старшемъ офицерскомъ классѣ Артиллерійской Михайловской Академіи:

А. Гиппологія.

1) Естественная исторія лошади: породы и племена лошади.

2) Наружный осмотръ. Раздѣленіе тѣла; наименованіе частей, масти, отмѣтины лошадей.

3) Осмотръ головы.

4) Осмотръ туловища.

5) Осмотръ оконечностей.

6) Тѣлоположеніе лошади. О движеніи ея. Неправильности въ движеніи.

7) Нравъ лошади. О дурныхъ привычкахъ. Выборъ лошади. О присмотрѣ за лошадью.

8) Опредѣленіе лѣтъ лошади по зубамъ.

9) О ковкѣ лошади.

B. Гиппіатрика.

10) Общее обозрѣніе патологіи. Раздѣленіе болѣзней.

а) Внутреннія болѣзни:

11) Мытъ. Подозрительный мытъ. Сапъ. Лихой.

12) Воспаленіе мозга. Кашель. Воспаленіе горла и груди.

13) Чемеръ, поносъ, запоръ.

14) Круженіе. Падучая болѣзнь. Запалъ. Столбнякъ.

b) Наружныя болѣзни:

15) Воспаленіе глазъ. Лунная слѣпота. Мутность глазъ. Бѣльмо. Темная вода.

16) Сѣльникъ. Нагнеты. Чесотка. Короста. Крысій хвостъ.

17) Исплекъ. Наминки на локтяхъ и пяткахъ. Колѣнный грибъ.

18) Надорваніе жилъ. Вывихъ путоваго состава. Обручи. Орѣшки. Мокрецъ.

19) Вывихъ бедра. Шпатъ. Заячья лапа. Огломъ моклоковъ. Переломъ костей.

20) О холодныхъ опухоляхъ подъ брюхомъ и на ногахъ. О наружныхъ поврежденіяхъ:

21) Воспалительная разбитость копытъ. Воспаленіе мясистыхъ частей копыта. Наминка. Засѣчки. Заковка. Запозы. Роговой ращепъ. Разсѣдина. Гніеніе стрѣлки.

22) О дачѣ лекарствъ. О кровопусканіи. О заволокахъ и фонтанеляхъ.

Для манежнаго дѣла на русскомъ языкѣ, я знаю одно только сочиненіе «Краткая иппологія и курсъ верховой ѣзды», составленное Полковникомъ Бобинскимъ. Если бы Берейторская Школа приняла на себя новое изданіе этого сочиненія, исправивъ и дополнивъ новѣйшими усовершенствованіями въ дѣлѣ манежномъ и критически оцѣнивъ новыя системы, то кавалерійское изученіе манежнаго дѣла имѣло бы полное руководство по этому предмету.

Заключаю искреннимъ желаніемъ успѣха въ этомъ важномъ и новомъ образованіи нашей кавалеріи и надѣюсь найти сочувствіе у всѣхъ благомыслящихъ военныхъ людей.

II.

Генералъ-адъютантъ графъ Адамъ Адамовичъ Ржевусскій, въ № 110 «Русскаго Инвалида», съ лестною для меня похвалою отозвался о статьѣ моей, помѣщенной въ № 78 «Инвалида» «О постепенномъ образованіи нашей регулярной кавалеріи и о недостаткахъ и ошибкахъ, препятствовавшихъ ея усовершенствованію». Графъ Ржевусскій начинаетъ свою статью замѣчаніемъ на выраженіе мое *увлеченіе новизны*. Что могутъ быть увлеченія, во всякомъ вновь предпринимаемомъ дѣлѣ, это свойственно природѣ человѣка. Заглавіемъ моей статьи, я обозначилъ и цѣль ея—указать на ошибки и недостатки старины. Настоящая новизна будетъ современемъ стариною. Если новизна выбрана неосмотрительно, то она повлечетъ за собою пагубныя ошибки, и отъ нихъ-то надобно заблаговременно остеречься.

За симъ перехожу къ разбору моей статьи графомъ Ржевусскимъ, имѣвшимъ намѣреніе указать въ моей статьѣ упущенія или ошибочныя извѣстія. Въ царствованіе Императора Александра I, говоритъ онъ, кромѣ 8-ми драгунскихъ полковъ, переименованныхъ въ конно-егерскіе, два драгунскіе полка, а имено Стародубовскій и Псковской, переименованы въ кираспрскіе, а двѣ драгунскія дивизіи переименованы: одна въ гусарскую, а другая въ уланскую.

Графъ Ржевусскій, при этомъ замѣчаніи, кажется, не обратилъ вниманія на то, что, говоря, о переименованіи драгунъ въ конныхъ егерей, я хотѣлъ только указать на разные виды кавалеріи, появившіеся въ нашей арміи въ разное время; о переименованіяхъ же изъ драгунъ въ уланы и гусары я не упомянулъ, потому что этихъ родовъ кавалерія тогда уже существовала. Подробное исчисленіе переименованій изъ одного рода кавалеріи въ другой, по этой причинѣ, я полагалъ излишнимъ, тѣмъ болѣе, что на этотъ предметъ издана по Высочайшему повелѣнію въ 1852 году «Хроника Россійской Императорской Арміи». Изъ этой хроники графъ Ржевусскій увидѣлъ бы, что въ царствованіе Императора Александра I переименованы были не только упомянутые 8 драгунскихъ полковъ, но и еще: Иркутскій драгунскій въ гусарскій; Борисоглѣбскій—въ жандармскій; Житомирскій драгунскій въ Борисоглѣбскій уланскій; Таганрогскій и Серпуховскій въ уланскіе; Чугуевскій казачій въ уланы, а изъ

Украинскихъ уланскихъ и Бугскаго казачьяго войска сформированы двѣ уланскія дивизіи; Одесскій гусарскій переименованъ въ уланскій Его Высочества Цесаревича Константина Павловича; вновь сформированы: Лейбъ-Гвардіи драгунскій, Лейбъ-Гвардіи Подольскій кирасирскій, Лейбъ-Гвардіи Гродненскій гусарскій и Лейбъ-Гвардіи уланскій Его Высочества Константина Павловича полкъ.

Вотъ что я припомнилъ объ измѣненіяхъ въ кавалеріи въ царствованіе Императора Александра I. Повторяю, что цѣлью моего сочиненія не было указывать на подобныя перемѣны въ кавалеріи; повторяю, что я только желалъ показать на новые виды кавалеріи въ разное время.

Графъ Ржевусскій также мнѣ замѣчаетъ, что не «во всей кавалеріи въ 1816 году, въ послѣдній разъ, были допущены эскадронные табуны, въ продолженіе которыхъ лошади дичали на привольныхъ пастбищахъ; въ дивизіяхъ поселенной кавалеріи до сихъ поръ два мѣсяца въ году всѣ лошади ходятъ въ табунахъ и, не смотря на то, послѣ подножнаго корма нѣтъ никакой надобности усмирять и объѣзжать лошадей вновь. Лошади же съ испорченными ногами послѣ зимней манежной ѣзды видимо поправляются».

Что лошадь, ослабѣвшая ногами поправляется отъ подножнаго корма, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; пастбище лѣтомъ для лошади, во многихъ ея болѣзняхъ, лучше всякой лечебницы. Но что лошади, особенно молодыя, погулявъ на привольѣ два мѣсяца, отвыкаютъ отъ сѣдла, мундштука и всадника, то это также естественно.

Эскадронные табуны были прекращены приказомъ по арміи князя Барклая-де-Толли въ 1817 году, и приказъ этотъ получилъ значеніе обязательнаго закона для всѣхъ, бывъ внесенъ въ Сводъ Военныхъ Постановленій, гдѣ сказано: «Всѣ эти лошади (строевыя) должны быть кормлены травою на конюшняхъ и не выпускаются на луга для подножнаго корма (*)». Когда состоялся упоминаемый приказъ г. главнокомандующаго, тогда еще не существовала поселенная кавалерія, и если были случаи, когда выпускались строевыя лошади въ табуны, то это было изъятіемъ для кавалерійскихъ поселеній Херсонской и Кіевской губерній, и было мѣрою домашнею, хозяйственною, отнюдь не отмѣненіемъ закона, который, я положительно знаю, и теперь существуетъ въ полномъ дѣйствіи. Въ кавалерійскихъ поселеніяхъ, въ пополненіе этого закона, сдѣлано добавленіе, чтобы траву косили солдаты, а перевозили бы поселяне.

Въ заключеніе своихъ замѣчаній графъ Ржевусскій припомнилъ, что Арзамазскимъ конно-егерскимъ полкомъ командовалъ генералъ-

(*) Свода Воен. Пост. ч. IV гл. VI ст. 1577 прим.

маіоръ Хрущевъ, а штабъ полка въ то время находился Кіевской губерніи, въ м. Погребищахъ.

Генералъ-маіоръ Иванъ Алексѣевичъ Хрущевъ былъ шефомъ Арзамасскаго полка и квартировалъ въ м. Погребищахъ съ Октября 1814 года до Іюля 1815 года, а въ то время, о которомъ я говорю, командиромъ полка былъ полковникъ Томиловскій, и полкъ въ 1816 году квартировалъ въ Херсонской губерніи. Шефы полковъ отмѣнены въ началѣ 1815 года.

Бальбони, дѣйствительно, былъ отличный берейторъ. Его выѣздки лошади были превосходны. Какую пользу извлекли изъ его познаній въ манежномъ дѣлѣ, это другой вопросъ; припоминаю, что въ 1818 и 1819 годахъ ему поручили конную команду; онъ образовалъ изъ нихъ хорошихъ волтижеровъ, и ни одного ѣздока. Что отъ него требовали, то онъ и исполнилъ.

Изъ всего сказаннаго, графъ Ржевусскій увидитъ, что я не сдѣлалъ тѣхъ упущеній и не привелъ тѣхъ ошибочныхъ извѣстій, которыя ему угодно было замѣтить въ моей статьѣ.

Графъ Ржевусскій говоритъ: «Теперь обращусь къ спорнымъ понятіямъ» и въ слѣдъ за тѣмъ излагаетъ свои мысли, что лошадь должно кормить для того, чтобъ она была сыта, не для одного жиру, а для здоровья и для подержанія ея силъ. Кто же будетъ этому противорѣчить?

Выписываю буквально слѣдующее: «Въ понятіяхъ педантовъ кавалерійскаго дѣла, казачьи полки служатъ на клячахъ, въ сравненіи съ лошадьми регулярной кавалеріи, однако же клячи эти называются такъ не потому, что онѣ большею частію донской породы, но отъ того, что онѣ не изнѣжены, не закормлены, и на своихъ уздечкахъ переносятъ такую службу, которую ни одинъ регулярный кавалерійскій полкъ перенести не въ состояніи. Скажу болѣе: относительно способности для трудовъ войны, лошадь регулярной кавалеріи болѣе породиста, а потому и болѣе способна вынести эти труды, чѣмъ донская, и при всемъ томъ, отъ неправильнаго воспитанія въ продолженіе службы, лошадь регулярной кавалеріи теряетъ всѣ свои качества и дѣлается почти неспособною къ войнѣ. Возьмемъ два примѣра, одинъ изъ смотровой практики отличнаго, сытаго, выѣзженнаго, подобраннаго на мундштукахъ полка, ранжировавшаго превосходно; а другой изъ походной жизни полка на уздечкахъ и простыхъ лошадяхъ. По этимъ двумъ примѣрамъ можно будетъ судить, какая именно кавалерія болѣе способна къ войнѣ — полкъ ли регулярной кавалеріи, отличный по составу, но изнѣженный воспитаніемъ, какъ у насъ заведено въ регулярной кавалеріи, или полкъ, который далеко не можетъ равняться ни въ какомъ отношеніи съ регулярнымъ пол-

комъ, но въ которомъ лошади ведутся такъ, какъ слѣдуетъ вести строевую лошадь.

Въ понятіяхъ педантовъ и не педантовъ кавалерійскаго дѣла, всякая лошадь, какой бы она ни была породы, если она дурнымъ содержаніемъ, дурнымъ кормомъ, доведена до изнуренія, то такую лошадь обыкновенно называютъ клячею.

Донской породы лошади всѣми уважаются за ихъ быстроту, силу и способность переносить труды и лишенія. Наши донскіе кони сдѣлали себѣ, вмѣстѣ съ своими всадниками, европейскую извѣстность. Кто объ нихъ не знаетъ? Донскихъ лошадей клячами никто не называетъ, потому только что онѣ донскія, и ихъ охотно покупаютъ въ ремонты легкой кавалеріи, (*) гдѣ они служатъ на равнѣ съ лошадьми другихъ породъ. Согласиться должно, что донскіе полки наши дѣлали въ военное время почти невѣроятные переѣзды на своихъ коняхъ; но это не отъ того только что онѣ не изнѣжены, не закормлены, и не отъ того что они на уздечкахъ, а оттого что Донцы сидятъ на сильныхъ и сносныхъ лошадяхъ, съ легкимъ сѣдломъ и легкимъ вооруженіемъ, и притомъ привыкли къ коню и сѣдлу съ дѣтства. Отдавая должную справедливость нашимъ казакамъ, должно быть справедливымъ, и къ нашей легкой кавалеріи. Она имѣетъ сильныхъ, сносныхъ и хорошей породы лошадей. Графъ Ржевусскій весьма вѣрно выразился, сказавъ, что всякое европейское государство до самаго малаго, можетъ въ непродолжительное время выставить превосходную пѣхоту, но многочисленную кавалерію въ состояніи имѣть одна Россія. Добавлю, что привольныя пастбища Тамбовской, Воронежской, Харьковской и Полтавской губерній и степи Екатеринославской, Херсонской и земли Войска Донскаго, во всякое время готовы снабдить нашу кавалерію, какъ бы она ни была усилена, превосходными лошадьми.

Для сравненія, графъ Ржевусскій беретъ два примѣра: Тверской драгунскій полкъ на Вознесенскомъ смотру въ 1837 году, Донской казачій № 23-го Хрещатицкаго и 1-й Куртинскій въ эриванскомъ отрядѣ, въ послѣднюю войну съ Турками въ 1855 году. Тверской драгунскій полкъ, по тревогѣ скакавъ на сборное мѣсто за 15 верстъ, потерялъ 100 лошадей; полкъ Хрещатицкаго и Куртинскій въ поискѣ своемъ переплыли Евфратъ, разбили непріятеля, преслѣдовали

(*) Разумѣется только такихъ, которыя подходятъ подъ условія ремонтной лошади. Казаки же берутъ для себя лошадей не съ такимъ строгимъ выборомъ. Если у лошади не красивая голова, дурно поставлены уши, шея навыворотъ, то это не можетъ еще остановить казака, а между тѣмъ въ ремонтѣ она забракуется.

его и возвратились къ своему отряду, сдѣлавъ въ это время болѣе 100 верстъ.

Тверской полкъ пришелъ изъ Курской губерніи въ Вознесенскъ на Высочайшій смотръ, сдѣлавъ до 700 верстъ, и расположился на берегу Буга лагеремъ: люди въ палаткахъ, а лошади въ коновязяхъ. Тверскому, какъ восьмому между драгунскими полками, досталось стоять на окопечности лѣваго фланга всей кавалеріи, собранной при Вознесенскѣ, такъ что ему придти на сборное мѣсто и возвратиться стоило добраго перехода въ 30 верстъ, не считая тѣхъ движеній, которыя онъ долженъ былъ дѣлать во время смотра. Полкомъ былъ доволенъ Государь Императоръ. Графъ Ржевусскій, командовавшій въ тоже время кирасирскимъ полкомъ, отзывается о полкѣ, что онъ былъ въ превосходномъ состояніи. Отъ чего же въ такомъ исправномъ полку, проявился такой важный недостатокъ, дѣлавшій этотъ полкъ неспособнымъ къ войнѣ?

«Отъ неправильности воспитанія (лошадей) въ продолженіе службы», говоритъ графъ Ржевусскій. Гдѣ же эта неправильность? Разсмотримъ: кавалерія, бывшая на Вознесенскомъ смотру, была приготовлена по тѣмъ требованіямъ и понятіямъ, которыя въ то время существовали; она имѣла красивыхъ и сильныхъ лошадей, хорошо выѣзженныхъ и хорошо накормленныхъ, но эта кавалерія не была готова къ внезапнымъ и быстрымъ движеніямъ на большихъ разстояніяхъ. Будучи убѣжденъ, что кавалерія должна быть подвижнѣе и быстрѣе той, которая была на Вознесенскомъ смотру, замѣчу, однако же. что быстротѣ этой есть предѣлы. Мы знаемъ, что приготовленіе къ скачкѣ англійскихъ скакуновъ было всегда особою спеціяльностію, Лошадь, предназначенную для состязанія, кормятъ особеннымъ образомъ; убавляя ей дачу сѣна и увеличивая дачу овса; кутаютъ ее попонами, проваживаютъ, проѣзжаютъ, ѣздятъ на ней, закутанной такимъ образомъ, шагомъ и въ карьеръ; воды даютъ ей мало. Выдержавшая такой искусъ, лошадь выводится на ипподромъ, проскачетъ три или четыре версты и только. Когда породистаго скакуна приготовляютъ съ такою заботою, и требуютъ отъ него быстраго бѣгу на 4 версты, какъ же требовать отъ строевой лошади, чтобы она проскакала 15 верстъ? Конечно, бываютъ такіе случаи въ военное время, гдѣ скорое прибытіе кавалеріи на какой либо пунктъ сраженія такъ важно, что хотя въ этой кавалеріи по убѣжденію начальника и погибнетъ нѣсколько лошадей отъ быстроты движенія, но онъ все таки не отмѣнитъ своего приказанія, находя въ томъ дѣйствительную пользу службы.

Требовать отъ строевой лошади такого же утонченнаго приготовленія и такихъ же подвиговъ, какъ отъ скакуна, и невозможно, и

безполезно; но не менѣе того всякій просвѣщенный кавалеристъ убѣжденъ, что строевую лошадь надобно доводить до того, чтобъ она, въ случаѣ нужды, могла двигаться быстро и по возможности на дальнѣйшія разстоянія (*).

Въ такомъ положеніи была вся наша кавалерія на Вознесенскомъ смотру. Тверской полкъ, въ составѣ своемъ, былъ ничѣмъ не отличнѣе другихъ. Онъ не былъ изнѣженъ. Пройдя 700 верстъ съ своихъ постоянныхъ квартиръ, расположился на берегу Бута, въ 15 верстахъ отъ сборнаго мѣста, почему идя на смотръ, и возвращаясь съ него, онъ дѣлалъ, кромѣ движеній на смотру, 30 верстъ. Люди были въ палаткахъ, а лошади въ коновязи. Кажется такое положеніе полка, не представляло возможности нѣжить лошадей.

Изъ всего этого нельзя еще дѣлать вывода, что кавалерія, бывшая при Вознесенскѣ, неспособна была къ войнѣ. Я увѣренъ, что каждый изъ полковъ легкой кавалеріи, взятый изъ Вознесенскаго лагеря, сдѣлавъ сперва нѣсколько умѣренныхъ переходовъ, потомъ могъ бы сдѣлать форсированный маршъ до 100 верстъ въ 24 часа (**).

Выборъ, сдѣланный графомъ Ржевусскимъ для сравненій, по моему мнѣнію, не совсѣмъ справедливъ. Съ одной стороны поставленъ Донской казачій полкъ во время военныхъ дѣйствій, а съ другой, полкъ, пришедшій представиться своему Государю: Справедливость требовала бы выбрать для сравненія полки, находящіеся въ одинаковомъ положеніи. Графъ Ржевусскій хотѣлъ доказать, что Донской полкъ *на простыхъ* лошадяхъ служитъ лучше, какъ регулярный на породистыхъ лошадяхъ. Но тутъ я нахожу упущеніе въ опредѣленіи: *Донской казакъ на простой лошади*—это не простая лошадь, а донская, знаменитая, историческая лошадь. Графъ Ржевусскій, конечно, помнитъ, что въ 1825 году было пари, здѣсь въ Петербургѣ, между англійскими и донскими лошадьми. Дистанція для скачки назначена была отъ Московской заставы до Гатчины и обратно, всего 83 версты. Назначены были съ каждой стороны по три лошади. Къ цѣли пришли по одной съ каждой стороны. Англійская

(*) Ускоренныя движенія на походѣ нужны, не только для того, чтобы сократить время перехода, но болѣе для того, чтобы лошади не отвыкали отъ тѣхъ движеній, которыя потребуются отъ нихъ на полѣ сраженія. Къ этой-то цѣли должны быть направлены всѣ занятія какъ въ мирное время, такъ и въ походѣ.

(**) Полкъ Хрещатицкаго, какъ утверждаетъ графъ Ржевусскій, выступилъ изъ лагеря въ 10 ч. утра и возвратился въ 9 часовъ вечера. Изъ лагеря онъ сдѣлалъ переходъ въ 40 верстъ, потомъ бой съ непріятелемъ, преслѣдованіе его на 20 верстъ; часовой отдыхъ и возвращеніе въ лагерь. Такимъ образомъ полкъ находился въ движеніи 10 часовъ, и въ продолженіе этого времени сдѣлалъ болѣе 100 верстъ. Невѣроятная быстрота!

только двумя минутами прежде донской, проскакавъ 85 верстъ въ 2 часа 45 минутъ. Донская лошадь пришла съ большими приключеніями: у нея на одной сторонѣ подковы вырвались гвозди и подкова, ставъ поперегъ, рѣзала другую ногу. Другое приключеніе—лопнули подпруги; мальчикъ, сидѣвшій на лошади, утомился до того, что его долженъ былъ перемѣнить взрослый казакъ. На возвратномъ пути изъ Гатчины, когда еще на бѣднаго донца, не обрушились эти двѣ бѣды, онъ у Пулковой Горы рѣшительно обскакалъ англійскаго скакуна, не смотря на всѣ усилія сопровождавшихъ по дистанціямъ Англичанъ, которые ни бичами, ни хлыстами не могли заставить своего скакуна не отставать отъ донца. Но пришли бѣды и скакунъ объѣхалъ донца двумя минутами, и пари было выиграно англійскимъ скакуномъ. Борьба эта и бывшія по временамъ на Дону испытанія лошадей между охотниками и коннозаводчиками, доказываютъ, что эти лошади *не простыя*, и, что не смотря на то, что регулярная кавалерія наша имѣетъ породистыхъ лошадей, хотя и весьма смѣшанной породы, онѣ никогда не вынесутъ такихъ трудовъ и никогда не будутъ такъ быстры и неутомимы, какъ донскія лошади.

Графъ Ржевусскій говоритъ, что «строевыя лошади наши теряютъ всѣ свои качества, (хорошія) и дѣлаются почти неспособными къ войнѣ, отъ того что они неправильно воспитываются въ продолженіе службы».

Что строевыхъ лошадей мы берегли, какъ на квартирахъ, такъ и въ походахъ, этимъ кавалерія наша всегда отличалась, и дай Богъ, чтобъ это прекрасное свойство осталось на всегда при ней. Если графъ Ржевусскій подъ дурнымъ воспитаніемъ разумѣлъ, что мы закармливали своихъ лошадей и совсѣмъ на нихъ не ѣздили. Если это гдѣ либо и случалось, то начальники строго взыскивали за подобныя упущенія. Графъ Ржевусскій замѣтилъ, что въ Тверскомъ полку были лошади отлично сыты и выѣзжены. Что бы лошадь выѣздить, надобно на ней ѣздить, а чтобъ она была притомъ сыта, не надобно соблюдать экономіи въ фуражѣ. Я служилъ подъ начальствомъ покойнаго генерала отъ кавалеріи Алексѣя Николаевича Потапова, который настоятельно требовалъ сытости лошадей и одиночной ѣзды. Въ этихъ двухъ требованіяхъ, онъ былъ неумолимъ, и то образованіе, которое драгуны получили въ его долговременное командованіе корпусомъ, на всегда останется памятникомъ его основательныхъ познаній въ этихъ двухъ важныхъ предметахъ кавалерійскаго дѣла.

Отъ хорошаго корма кавалерія не можетъ придти къ тому ничтожеству, на которое ее обрекаетъ графъ Ржевусскій, сказавъ, что такая кавалерія *дѣлается почти неспособною къ войнѣ*. Сознаюсь, что я совершенно противнаго убѣжденія. Сытая лошадь вынесетъ болѣе

трудовъ, какъ несытая, и напъ русскій мужикъ предъ пахатою кормитъ свою лошадь овсомъ, и Донской казакъ *погодуетъ* своего коня и сѣномъ, и овсомъ, и поставитъ его въ хорошее стойло, лишь бы представилась къ тому возможность, никакъ не думая о томъ, что онъ портитъ тѣмъ воспитаніе своего коня.

Регулярная кавалерія у насъ существуетъ со времени Петра Великаго. Въ войнахъ прошедшаго и нынѣшняго столѣтій, кавалерія наша принимала дѣятельное участіе. Упрекъ, сдѣланный графомъ Ржевусскимъ, что она *почти не способна къ войнѣ*, по моему мнѣнію, совершенно несправедливъ. Для доказательства я возьму нѣсколько примѣровъ изъ боевой и мирной службы нашей кавалеріи.

1.) Въ 1828 году войска наши были собраны на берегахъ Прута. Букарестъ былъ въ опасности отъ турецкаго гарнизона, занимавшаго Журжу. Чтобы предупредить Турокъ, предписано было генералъ-маіору барону Гейсмару, съ отрядомъ своимъ занять, Букарестъ. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 31 и 32 егерскихъ полковъ; Смоленскаго и Курляндскаго уланскихъ; одной роты конной артиллеріи; 5-ти казачьихъ полковъ и одной роты донской артиллеріи.

25-го Апрѣля отрядъ перешелъ Прутъ и остановился въ Формашицѣ, сдѣлавъ въ этотъ день 25 верстъ.

26-го Апрѣля въ Максименп—45 верстъ. Здѣсь оставлена была пѣхота и обозъ всего отряда.

27-го Апрѣля переправились чрезъ Серетъ и пришли въ Гальбы-Немти—50 верстъ.

28-го Апрѣля въ Бузео—30 верстъ. Сюда прискакалъ нарочный изъ Букареста, что жители встревожены приближеніемъ Турокъ изъ Журжи.

29-го Апрѣля отрядъ выступилъ въ 4 часа утра. Пройдя 25 верстъ, сдѣлалъ привалъ, который продолжался 3 часа, а къ 5-ти часамъ пришелъ въ Урзичени, пройдя еще 30 верстъ. Въ 11 часовъ вечера выступилъ изъ Урзичени, сложивши чемоданы на обывательскія подводы. Не доходя 15 верстъ до Букареста, вновь отдохнулъ и въ 4 часа вступилъ церемоніальнымъ маршемъ въ Букарестъ, который Турки не успѣли еще занять.

Переходъ 29-го Апрѣля былъ въ 105 верстъ, а всего отъ Прута въ 5 дней пройдено 263 версты.

Упалыхъ лошадей не было; въ одномъ полку было съ побитыми спинами до 50 лошадей. Отсталыхъ людей также не было. Весь переходъ дѣлался шагомъ.

Этотъ разсказъ сообщенъ мнѣ, бывшимъ эскадроннымъ командиромъ одного изъ уланскихъ полковъ, А. Ив. Сабуровымъ.

2.) Блаженной памяти Государь Императоръ Николай Павловичъ

въ 1841 году посѣтилъ Москву, и какъ, въ числѣ собранныхъ тамъ войскъ, не было конной артиллеріи, то Государь приказалъ, чтобъ и она была на смотру.

Конно-артиллерійская бригада была расположена: одна батарея въ Боровскѣ, а другая въ Верею. Посланы были приказанія батареямъ о выступленіи. Онѣ собрались; пошли. Ближайшая батарея сдѣлала 80 верстъ и пришла во время. Той же батареѣ, которая стояла въ Верею, (полковника Ефимовича) досталось пройти 110 верстъ, которыя она сдѣлала въ 22 часа времени.

Упалыхъ было въ батареѣ полковника Ефимовича, 1 офицерская лошадь и двѣ сверхъ комплектныя, выранжированныя.

Батарея стала на свое мѣсто въ то уже время, когда Государь объѣзжалъ войска.

Переходъ батарея дѣлала, по большой части, шагомъ; только послѣднія 30 верстъ шла рысью и шагомъ.

Свѣдѣніе это сообщено мнѣ, бывшимъ начальникомъ артиллеріи 6-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-лейтенантомъ Александромъ Ивановичемъ Вальцемъ.

3.) Въ 1854 Вознесенскій и Ольвіопольскій уланскіе полки содержали аванпосты при осадѣ Силистріи въ продолженіе 6-ти недѣль, смѣнялись посуточно на половину, не размундштучивал и проводя ночь на конѣ. Бригада эта съ двумя конными батареями выступила изъ подъ Силистріи къ Букаресту 25-го Іюня изъ с. Мая-Катарджи, сдѣлала переходъ до Букареста 63 версты, а 26-го пришла на высоты с. Фритешти близъ Журжи, сдѣлавъ 84 версты.

Не смотря на то, что на лошадяхъ были китки съ сѣномъ и саквы полныя овса, упалыхъ лошадей не было.

Лошади въ этомъ отрядѣ и, въ особенности, въ Вознесенскомъ полку, были болѣе чѣмъ сыты.

Г. главнокомандующій армією за это быстрое движеніе отряда, въ приказѣ своемъ, благодарилъ войска, принадлежащія къ тому отряду.

4.) Скажу нѣсколько словъ о полевой службѣ Тверскаго полка, до Вознесенскаго смотра и послѣ. Говорю о службѣ Тверскаго полка не потому, чтобы она была необыкновенна, а потому только, что графъ Ржевусскій избралъ этотъ полкъ для доказательства, что кавалерія наша неспособна выносить труды военные.

Въ Польскую войну 1831 года, полкъ въ зимнюю кампанію перенесъ много трудовъ, содержа аванпосты и не рѣдко выдерживая бой съ непріятелемъ. Къ веснѣ лошади были худы, но до совершеннаго изнуренія не дошли. Лѣтомъ и до конца этой кампаніи полкъ служилъ въ небольшихъ отрядахъ, и по большей части въ странѣ неистощенной войною. Лошади поправились. Въ продолженіе кампаніи

полкъ былъ въ тринадцати сраженіяхъ и потерялъ до 200 лошадей, по большей части убитыми. Упалыхъ было немного.

Очень быстрыхъ переходовъ ему не приходилось дѣлать. Приведу однако же одинъ переходъ во время моего командованія тѣмъ полкомъ.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Кнорринга занималъ Калишъ. Онъ состоялъ изъ Лейбъ-Гвардіи Подольскаго кирасирскаго, Лейбъ-Гвардіи уланскаго Его Высочества Константина Павловича, Тверскаго драгунскаго полковъ и Лейбъ-Гвардіи конно-артиллерійской батареи.

По полученному начальникомъ отряда извѣстію, что въ окрестностяхъ Піотркова, собираются вооруженія бунтовщиковъ, отрядъ направленъ былъ туда. Первый переходъ былъ умѣренный, во второй отрядъ сдѣлалъ 7 миль, а я съ полкомъ получилъ приказаніе идти впередъ за двѣ мили, выставить аванпосты и послать разъѣзды по пяти направленіямъ; такъ что большая часть полка сдѣлала переходъ въ 63 версты, а нѣкоторыя его части даже до 100 верстъ. Упалыхъ лошадей было только одна и та больная въ конномъ лазаретѣ.

Въ 1854 году, полкъ назначенъ былъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ, гдѣ и служилъ до окончанія военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи. Полкъ былъ употребляемъ дѣятельно и за блистательныя подвиги его подъ Кюрукъ-Дара, награжденъ георгіевскими штандартами.

По окончаніи кампаніи, на инспекторскомъ смотру оказалось въ Тверскомъ полку 150 лошадей негодныхъ. Судя по трудамъ, перенесеннымъ полкомъ, пришедшимъ изъ Курской губерніи въ южный климатъ, гдѣ продовольствіе лошадей было не того качества, къ которому онѣ привыкли, такое число негодныхъ лошадей, военному начальству не показалось значительнымъ; тѣмъ болѣе, что въ Нижегородскомъ полку, по окончаніи той же кампаніи, найдено было негодныхъ къ службѣ 600 лошадей.

Вотъ военная служба полка, въ которомъ лошади, по словамъ графа Ржевусскаго, *неправильно воспитывались въ продолженіе службы, и дѣлались почти неспособными къ войнѣ!*

Не смотря на возраженія мои противъ нѣкоторыхъ заключеній графа Ржевусскаго, въ главныхъ основаніяхъ предметовъ этой полемики я съ нимъ совершенно согласенъ. Приведемъ ихъ къ общимъ выводамъ.

Строевыя лошади нашей кавалеріи, въ мирное время, должны приготовляться къ перенесенію трудовъ войны. Для достиженія этой цѣли надобно, чтобъ обращено было вниманіе: 1) на содержаніе лошади по правиламъ діететики, т. е. чтобы лошадь была сыта, но не тучна и, чтобы была способна къ усиленнымъ и быстрымъ дви-

женіямъ, и 2) на пріученіе строевыхъ лошадей къ ускореннымъ движеніямъ.

На этомъ я останавливаюсь. Надобно сперва опредѣлить въ какой мѣрѣ можно требовать отъ лошади ускореннаго движенія. Графъ Ржевусскій полагаетъ возможнымъ дѣлать весь переходъ рысью. Я не знаю кавалеріи, которая дѣлала бы безостановочно переходы рысью, не исключая и казаковъ, и потому для этого новаго дѣла нужна повѣрка опыта.

Что лошади тѣхъ породъ, на которыхъ посажена наша кавалерія, въ упряжи, пробѣгаютъ до 60 верстъ, это знаютъ всѣ, но чтобы эти же лошади, съ тяжелымъ солдатскимъ сѣдломъ и съ вооруженнымъ съ ногъ до головы всадникомъ, пробѣгали рысью такія же разстоянія, не изнуряясь,—въ этомъ я сомнѣваюсь.

И какая необходимость дѣлать переходъ въ 20 или 30 верстъ рысью? Если дѣлать его для того, чтобъ совершить переходъ скорѣе, по моему мнѣнію, нѣтъ надобности излишне утомлять лошадь для того только, чтобъ дать ей часъ или два отдыху болѣе противъ того, который бы она имѣла, сдѣлавъ переходъ не такъ скоро. Если же переходъ дѣлается рысью для того, чтобы пріучить лошадь къ быстротѣ движеній, то и это излишне, потому что цѣль эта достигается тѣмъ уже, что лошадь приготовлена умѣренными и обдуманными занятіями къ быстрымъ движеніямъ, какъ это дѣлается въ приготовленіи скакуновъ, отъ которыхъ во время ихъ приготовленія не требуютъ, чтобъ они скакали такія разстоянія какія должны пробѣжать на самой скачкѣ. Подобныя движенія всего перехода на рысяхъ могутъ быть допущены только въ видѣ опыта.

Необходимо также и 3) опредѣлить степень выѣздки строевой лошади. Какъ должна быть выѣзжена строевая лошадь?

По понятіямъ, которыми до сего времени руководствовались въ кавалеріи, отъ строевыхъ лошадей требовали много излишняго; требовали такихъ движеній, которыя въ бою вовсе не нужны. Теперь на это обращено вниманіе и многое отмѣнено; но признано необходимымъ требовать: чтобы строевая лошадь была выѣзжена такъ, чтобы повиновалась всаднику, была бы въ поводу, и при томъ чтобы шея и голова у ней были поставлены правильно, и аллюры уровнены. Довести лошадь до этой степени образованія иначе нельзя, какъ обучая ее въ манежѣ и переходя отъ одного урока къ другому постепенно, по мѣрѣ успѣховъ лошади.

При такомъ опредѣленіи выѣздки строевой лошади, встрѣчаются противорѣчія съ мнѣніями графа Ржевусскаго, который манежную ѣзду не признаетъ за полезное движеніе для лошади, а, напротивъ того, находитъ, что это не движеніе, а *ломка ногъ и всѣхъ му-*

скуловъ; и за тѣмъ графъ Ржевусскій находитъ, что лошадь на уздечкѣ, такъ же должна быть во власти ѣздока, какъ и на мундштукѣ; что съ уздечкой фронтъ долженъ быть столь же строенъ, какъ и на мундштукахъ; что уздечкою въ атакѣ также легко остановить лошадь, а при ручной схваткѣ лошадь также будетъ во власти у сѣдока; при чемъ указывалъ на тѣ преимущества уздечки, которыя неоспоримы, и съ чѣмъ соглашаются самые извѣстные фанатики мундштука.

На эти замѣчанія графа Ржевусскаго имѣю честь отвѣтствовать: что искусство выѣздки лошадей не заключается въ томъ, чтобы портить ихъ; напротивъ, цѣль манежа состоитъ въ томъ, чтобы умѣренными движеніями, сообразными съ силами лошади, исподоволь пріучить лошадь къ сѣдлу и всаднику, а потомъ выучить ее производить тѣ движенія, которыя требуются отъ строевой лошади. Манежъ долженъ развивать природныя силы лошади, а не преждевременно разрушать ихъ. Манежъ для лошади долженъ быть благоразумнымъ гимнастическимъ упражненіемъ. Тѣ манежи, гдѣ только и дѣлаютъ, что ломаютъ ноги и мускулы лошади, не должны быть терпимы въ нашей кавалеріи, которая на столько образована, что понимаетъ, что лошадь можно выѣздить, не разрушая ея здоровья.

Приготовленіе, такъ называемыхъ, ординарческихъ лошадей, имѣетъ цѣлію знакомить кавалерію съ высшею ѣздою, полезною и для нижнихъ чиновъ, назначаемыхъ для выѣздки молодыхъ лошадей, и потому на искусство выѣздки лошадей съ большими требованіями противу обыкновенныхъ, не должно смотрѣть какъ на занятіе приносящее одинъ только вредъ.

О необходимости мундштука въ регулярной кавалеріи, я говорилъ въ прежней моей статьѣ и приводилъ въ примѣръ Нижегородскій полкъ, который на опытѣ убѣдился въ необходимости мундштука. Что уздечка, имѣя преимущество предъ мундштукомъ своею несложностію и удобностію быть скоро надѣтою и снятою съ лошади, должна безпорно уступить мѣсто мундштуку въ управленіи лошадью, а это такъ важно въ кавалеріи, назначенной для атакъ сомкнутомъ фронтомъ, что не должно останавливаться на выборѣ мундштука или уздечки. Добавлю къ этому, что Донскіе казаки въ атакахъ своихъ строятся «лавою», т. е. разомкнувшись, и этотъ строй найденъ ими лучшимъ потому, что въ сомкнутомъ строѣ имъ трудно было бы справиться съ своими лошадьми. Если ввести, въ нашей кавалеріи, уздечки вмѣсто мундштуковъ, то это было бы переименованіемъ регулярной кавалеріи въ казаковъ, но казаковъ плохихъ, потому что эта кавалерія, откинувъ свое прочное образованіе и утративъ способность дѣйствовать въ атакахъ твердымъ фронтомъ, никогда не пріобрѣтетъ тѣхъ свойствъ, которыми отличаются наши казачьи войска. Россія по своему поли-

тическому положенію имѣетъ огромныя средства, въ случаѣ войны, выставлять въ полѣ такую легкую кавалерію, которая зоркимъ глазомъ наблюдая непріятеля, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовать на пути сообщенія его; словомъ, вышлетъ противъ непріятеля ту кавалерію, которая наводила ужасъ на французскую армію при отступленіи ея изъ Россіи въ 1812 году. Для чего же увеличивать эти войска, когда ихъ такъ достаточно въ Россіи и добровольно лишать себя той регулярной кавалеріи, которая, сомкнутымъ своимъ строемъ, часто можетъ рѣшать участь сраженій?

Графъ Ржевусскій возстаетъ противу тѣхъ кавалеристовъ, которые не соглашаются съ предлагаемыми имъ нововведеніями, потому только, что это новость, прогрессъ, и этихъ то старовѣровъ онъ именуетъ *приверженцами дряхлой кавалеріи.*

Возставать противу введенія видимо полезнаго и отвергать принятіе его только потому, что оно *ново*, по моему мнѣнію, есть болѣзнь ума. Но принимать безъ критической оцѣнки всякое предлагаемое нововведеніе, было бы легкомысліемъ непростительнымъ, могущимъ вести за собою вредъ общему дѣлу.

Изложивъ въ этой статьѣ мои опроверженія противу нѣкоторыхъ мнѣній графа Ржевусскаго, я долженъ прибавить: что совершенно раздѣляю его мысли относительно одежды кавалериста, которая должна имѣть главною цѣлью: простоту, прочность и удобства. Устраненіе всѣхъ излишнихъ вещей въ солдатскомъ вьюкѣ, ограничиваясь только тѣми, которыя необходимо нужны для него, повело бы къ облегченію вьюка, и это было бы благодѣяніемъ для нашей кавалеріи. Введеніе новаго сѣдла, предлагаемаго графомъ Ржевусскимъ, будетъ, безъ сомнѣнія, полезно, если только это войлочное сѣдло съ подушкою выдержитъ строгій опытъ въ отношеніи прочности его и сохраненія спины лошади отъ набоевъ. При отмѣнѣ принятаго издавна въ нашей кавалеріи, венгерскаго арчака, и замѣнѣ его войлочнымъ сѣдломъ, не должно упускать изъ виду, что это сѣдло должно выдержать давленіе сѣдока и вьюка, въ продолженіе 8-ми лѣтъ, срока положеннаго по штату для кавалерійскаго сѣдла, и въ это время быть можетъ придется ему побывать и въ походахъ. При этомъ невольно рождается вопросъ: выдержитъ ли войлокъ такую продолжительную службу и лучше ли онъ сохранитъ спину лошади?

Окончательнаго заключенія объ этомъ новомъ сѣдлѣ я не дѣлаю, узнавъ отъ сѣдельнаго мастера Вальтера только общія идеи объ утройствѣ этого сѣдла, по заказу графа Ржевусскаго. При разсказѣ Вальтера, я спросилъ его о котелкѣ, но онъ не могъ удовлетворить меня, не зная куда помѣстить котелокъ на этомъ новомъ сѣдлѣ.

Въ заключеніе я считаю обязанностію благодарить графа Адама Ада-

мовича за тѣ лестные его отзывы о моей прежней службѣ и за тѣ одобренія нѣкоторыхъ мнѣній моихъ о кавалеріи, которыя помѣщены были въ № 78 Инвалида. Смѣю увѣрить его, что поводомъ къ настоящему отвѣту на его замѣчанія, изложенныя въ № 110 «Инвалида», было одно искреннее желаніе уяснить, по мѣрѣ моего пониманія, тѣ новыя идеи, которыя бы желалъ графъ Ржевусскій ввести въ нашу кавалерію. Мнѣ утѣшительно думать, что графъ Ржевусскій, какъ защитникъ всякаго прогресса нашей кавалеріи, съ удовольствіемъ узнаетъ объ открытіи кавалерійскаго училища для офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ Елисаветградѣ, не бывалаго еще у насъ явленія, и что онъ, вмѣстѣ со всѣми просвѣщенными военными людьми, порадуется что этимъ учрежденіемъ сдѣланъ рѣшительный шагъ къ успѣхамъ нашей кавалеріи. Офицеры въ этой школѣ, будучи спеціяльно приготовлены въ познаніяхъ необходимыхъ для образованнаго кавалериста, распространятъ въ полкахъ тѣ здравыя идеи, въ которыхъ такъ нуждается наша кавалерія.

Учрежденіемъ этого полезнаго заведенія кавалерія наша обязана командиру Отдѣльнаго Кавалерійскаго корпуса, генералу отъ кавалеріи барону Оффенбергу, который, по убѣжденію въ пользѣ подобнаго учрежденія, основательными своими представленіями испросилъ Высочайшее соизволеніе на открытіе новаго, необходимаго для нашей кавалеріи училища. Надѣюсь, что въ скоромъ времени Его Высокопревосходительство будетъ утѣшенъ успѣхами своего предпріятія, которое несомнѣнно принесетъ свой даръ на благое просвѣщеніе нашей кавалеріи.

Кончая мой отвѣтъ на замѣчанія графа Ржевусскаго, я прочелъ, въ фельетонѣ № 130 Русскаго Инвалида, статью неизвѣстнаго автора, подъ названіемъ: «Взглядъ на старое и новое въ кавалеріи.» Я съ сочинителемъ этой статьи такъ согласенъ во всѣхъ мнѣніяхъ его относительно устройства, содержанія и употребленія нашей кавалеріи, что готовъ подъ статьею «Взглядъ на старое и новое въ кавалеріи» подписать свое имя.

Неизвѣстный авторъ взгляда, между прочимъ говоритъ:» Ничто не мѣшаетъ начальнику, по усмотрѣнію своему, водить кавалерію походомъ на уздечкахъ.» Я нахожу эту мысль совершенно основательною, потому что мундштукъ въ походѣ, отъ продолжительнаго давленія на беззубую часть рта лошади, можетъ иногда производить раны на этихъ частяхъ. Для избѣжанія этого неудобства и вмѣстѣ съ тѣмъ для освѣженія рта лошади, особенно лошади вложенной въ поводъ, безъ сомнѣнія было бы полезно въ походѣ, по временамъ, замѣнять мундштукъ уздечкою.

Рабочая (манежная) уздечка не обременила бы очень солдатскаго

вьюка и была бы пособіемъ для лошади, и облегченіемъ для солдата. При мундштукахъ, принятыхъ въ кавалеріи, есть трензеля, употребленіе которыхъ весьма неопредѣлительно въ мирное время. На войнѣ ихъ употребляли на фуражировкахъ и на аванпостахъ, пристегивая мундштукъ къ чемодану. Но такое употребленіе трензеля часто бывало началомъ безпорядковъ въ кавалеріи; мундштукъ оторвется отъ чемодана или потеряется отъ него цѣпочка, и лошадь остается на одномъ трензелѣ, а имъ нѣтъ возможности управлять лошадью. Тѣ начальники, которые не обратятъ вниманія на это начинающееся разстройство ихъ частей, послѣ потери нѣсколькихъ мундштуковъ, увидятъ своихъ солдатъ выѣзжающихъ съ бивуакъ въ оборванныхъ мундирахъ и шинеляхъ, въ рейтузахъ безъ штрипокъ и со вьюкомъ переполненнымъ вещами добытыми мародерствомъ, а строевыхъ лошадей, обращенныхъ въ вьючныхъ животныхъ, распущенныхъ и потерявшихъ способность быстро двигаться. Бывали случаи, что кавалерія наша доходила до такаго упадка, къ чему много способствовало движеніе въ походѣ однимъ только шагомъ.

Для кавалеріи недостатокъ фуража есть бѣдствіе. Безъ корма лошади пропадаютъ въ самое короткое время. Когда же кавалерія имѣетъ достаточно фуража для своихъ лошадей, то она должна являться на поле сраженія на лошадяхъ добрыхъ, выѣзженныхъ, пріученныхъ къ быстрымъ движеніямъ и сомкнутому строю. Это, по моему мнѣнію, должно быть главнымъ предметомъ образованія нашей кавалеріи.

2007059495